

УДК 94(571.150)

DOI: 10.17223/19988613/48/15

Т.Н. Соболева, А.Е. Кухаренко

ПРОБЛЕМА МИРСКИХ ОБРОЧНЫХ СТАТЕЙ И СОЗДАНИЕ ПЕРВЫХ МЕХАНИЗМОВ ЕЕ РАЗРЕШЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ ГОРНОМ ОКРУГЕ В 1861–1869 гг.

Исследуется проблема мирских оброчных статей в Алтайском горном округе в первые годы после проведения реформы 1861 г. в контексте административно-хозяйственной политики Кабинета. В ней выделяются основные причины конфликтов и противоречий вокруг права крестьянских обществ сдавать землю в аренду сторонним лицам. Авторами анализируются формирование позиции Кабинета по этому вопросу, доводы учреждения и процесс построения нормативно-юридической базы для реализации административно-хозяйственной политики ведомства в отношении мирских оброчных статей.

Ключевые слова: Алтай; мирские оброчные статьи; Кабинет; ведомство; земельная аренда.

Развитие земельно-арендного хозяйства Кабинета на Алтае в 1855–1917 гг. было сложным, противоречивым и неоднородным, а земельно-арендная политика ведомства сталкивалась с самыми разнообразными проблемами, вызванными процессами глубокой трансформации алтайского производственно-территориального комплекса во второй половине XIX – начале XX в. Но одним из наиболее сложных, запутанных и противоречивых вопросов стали «мирские оброчные статьи».

«Головной болью» кабинетской администрации и болевой точкой всего земельно-арендного хозяйства на Алтае во второй половине XIX в., по словам кабинетского служащего и исследователя С.П. Швецова, был временный характер крестьянского землевладения, так как по реформе 1861 г. земля передавалась населению в пользование на момент издания закона впредь до разграничения и землеустройства [1. С. 14–15]. Длительный период такого переходного состояния привел к появлению арендных («оброчных») статей в дачах сельских обществ, что стало логичным следствием как новой административно-хозяйственной реальности для фактически существовавших арендных отношений в сельских обществах, так и дальнейшего развития сельскохозяйственных и промышленных сил округа, торговли, активного переселения и т.д., так как чаще всего мирские оброчные статьи представляли собой именно торговые или промышленные заведения.

Однако неопределенность границ крестьянского землепользования после реформы 1861 г. и целая череда неясностей в формулировке временных правил на фактически занимаемые сельскими обществами земли очень быстро сделала мирские оброчные статьи объектом острого и длительного конфликта между крестьянскими учреждениями и Кабинетом о праве крестьян их устраивать [2. Л. 7]. Для ведомства мирские оброчные статьи были актуальны как возможность получения практически готовых и уже обложенных оптимальной стоимостью оброчных статей, а также как наиболее яркое проявление желания сохранить контроль над

землепользованием населения. Последнее было результатом сохранившегося феодального восприятия окружающей территории, которое заключалось в желании получать доходы, выходящие за рамки прав собственника, и в режиме внеэкономического принуждения. Иначе трудно объяснить, почему на фоне прохладного отношения Кабинета к своему земельному имуществу и арендным доходам происходила такая яростная борьба за право аренды на крестьянских землях.

С точки зрения сельского населения, это были участки непосредственного хозяйственного и жизненного пространства, пересекающегося с традициями землепользования. Крестьяне часто открывали статьи не только для получения дохода, но и для приобретения места обработки продуктов своей хозяйственной деятельности или покупки нужных вещей, для получения льгот и т.д. [1. С. 15–16; 3. Л. 13 об.]. Проблема находилась на стыке разных тенденций и становилась арендой столкновения двух земельно-правовых пространств землепользования – сельских обществ и кабинетского ведомства, поэтому столкновение двух конкурирующих игроков именно в этой области было особенно острым и конфликтным, поскольку каждая сторона считала себя правой.

Вопрос об оброчных статьях в крестьянских дачах неоднократно рассматривался в историографии, так как являлся одной из ключевых проблем землепользования на Алтае во второй половине XIX в. Однако в основном он изучался с позиции государственных учреждений и крестьянства. Отношение к нему Кабинета интересовало узкий круг исследователей (А.П. Бородавкин, Т.П. Прудникова, Е.И. Соловьева, И.А. Якимова), причем на уровне констатации позиции кабинетских чиновников, остававшейся якобы неизменной во времени. Несколько иначе, но также без раскрытия эволюционной динамики политического курса Кабинета, данный вопрос анализировали С.П. Швецов и К.Н. Миротворцев, служившие на Алтае в конце XIX – начале XX в. и внесшие существенный вклад в изучение ведомственного земельно-арендного хозяйства.

Между тем с 1861 по 1899 г. взгляд ведомственных служащих внутри кабинетской системы был неоднозначным и противоречивым. Политика Кабинета в этом вопросе менялась, а сами мирские оброчные статьи носили странный ареол вынужденного бремени, когда все понимали сложность и неправильность ситуации, но должны были предпринимать определенные усилия к ее разрешению, исходя из действовавших юридических норм и в силу определенных психологических представлений, распространенных в бюрократической среде. Кроме того, когда в историографии описывается позиция ведомства, в ней обычно не раскрываются ни внутренние источники выработки того или иного решения, ни взаимодействие с реальными законодательными актами, ни борьба среди кабинетских служащих за тот или иной способ смягчения проблемы. С учетом важности перечисленных аспектов в раскрытии темы данная статья призвана восполнить имеющийся пробел в ее изучении, акцентировав внимание на периоде, охватывающем 1861–1869 гг. Для реализации поставленной цели потребовались более углубленный анализ законодательства, с помощью которого должен был регулироваться вопрос о мирских оброчных статьях, и введение в научный оборот делопроизводственных материалов преимущественно из 4-го и 163-го фондов Государственного архива Алтайского края.

Проблема мирских оброчных статей практически сразу же после принятия законов о проведении крестьянской реформы на кабинетских землях Сибири от 8 марта 1861 г. стала обсуждаться между Алтайским горным правлением, Кабинетом, Министерством императорского двора, генерал-губернатором Западной Сибири, Томским губернским советом и другими учреждениями, в результате чего сформировалось два основных взгляда на проблему. Первая точка зрения сводилась к праву сельских обществ «хозяйственного распоряжения» своими пользованиями. Ее основными инициаторами и защитниками выступили некоторые государственные учреждения, например мировые посредники и Томский губернский совет. Она подвергалась различным изменениям и корректировкам, которые могли фактически свести на нет главную суть позиции, но отразили ее гибкость [1. С. 22; 3. Л. 14; 4. С. 147].

Второй взгляд отстаивала кабинетская администрация. Он сводился к тому, что крестьяне не могли иметь никаких оброчных статей, так как таковые не были предусмотрены на землях их пользования до реформы 1861 г. Количество крестьянских угодий и «образ пользования» ими должны были оставаться теми же, как прописано в законодательстве. По мнению кабинетских чиновников, данная норма базировалась на трех основных тезисах: во-первых, устройство оброчных статей в округе было предоставлено Кабинету высочайшим указом от 29 августа 1855 г.; во-вторых, крестьянам предоставлены только те права на землю, которыми они располагали до 1861 г., а право сдачи в

аренду земли посторонним обществу лицам не содержалось в указе от 8 марта 1861 г. и не могло входить в него по смыслу указа от 29 августа 1855 г.; в-третьих, крестьянские общества могли пользоваться землями для своих личных потребностей, но не имели права передавать земли в пользование «по собственному произволу» лицам, в состав их обществ не входивших [1. С. 22–23; 2. Л. 7 об.–8; 3. Л. 3; 4. С. 148].

В указе 1855 г. не зафиксировано исключительное право Кабинета устраивать оброчные статьи, точно так же об этом ничего не сказано и в Горном уставе 1857 г. [5]. Логика Кабинета понятна, и она имеет под собой некоторые основания, но в целом выходит за рамки утвержденного верховной властью правового пространства, и ее стоит рассматривать лишь как трактовку законов. Указ 1855 г. был удобен для последующей интерпретации и создания нормы, запрещавшей крестьянам организовывать оброчные статьи, хотя даже его основной смысл, сводившийся к принципу «земля–оброк», противоречил закону от 8 марта 1861 г.

Второй довод Кабинета относительно указа от 8 марта 1861 г., на наш взгляд, представлял собой яркое и прямое искажение кабинетскими чиновниками как формы, так и сути закона. В трактовке ведомства «право» создавать оброчные статьи по закону от 8 марта 1861 г. не входило в перечень прав, предоставленных бывшим приписным крестьянам. Кроме термина «право» в делопроизводстве использовался еще один – «образ пользования», по которому землепользование якобы должно оставаться точно таким же, как до реформы. Эти термины достаточно расплывчаты и дают возможность весьма широкого толкования, фактически являясь продуктом собственного творчества кабинетских чиновников, так как в указе от 8 марта 1861 г. четко сформулировано, что бывшие приписные крестьяне могут пользоваться землями в тех «размерах», в которых они находились до реформы 1861 г., но ничего не сказано о правах на землю или «образе пользования» [6]. Указ расходился с кабинетской трактовкой, поскольку в дореформенном состоянии должны оставаться размеры пользования или участка, а не «образ пользования». Ведомственное понимание и по сути противоречило указу от 8 марта 1861 г., так как задача закона состояла в том, чтобы предоставить крестьянам новые права, полагавшиеся им по реформе, в то время как Кабинет фактически желал оставить их в прежнем, дореформенном состоянии. В данном случае даже невозможно сослаться на то, что в условиях дореволюционного законодательства чиновникам было сложно воспринимать норму через конкретную юридическую формулировку и приходилось трактовать смысл указа. В законе от 8 марта 1861 г. этот пункт довольно точно прописан, и в таком виде его понимали и трактовали, например, Томский губернский совет и мировые посредники.

Третий пункт позиции Кабинета как раз отражает то понимание, которое ведомственные чиновники стремились зафиксировать и сделать новой нормой: крестья-

яне могут пользоваться землями для своих личных потребностей, но не могут передавать земли посторонним лицам. Создание крестьянским обществом на своей земле предприятия, которое вышло бы за рамки «личных потребностей», также нарушало это понимание. На наш взгляд, такая трактовка земельных отношений в округе является проявлением желания ведомства их контролировать и отражением феодального восприятия Кабинетом своего положения как монополиста на земельное имущество, не желающего делиться доходами и стремящегося получать прибыль внеэкономического характера. Если ранее существовало только представление о том, что сельские общества и крестьяне не могут сдавать земли в аренду, то теперь оно начало приобретать характер закрепленной нормы, встраиваться в нормативно-юридическое пространство как работающая позиция, формируя уже явление социально- и культурно-юридического, нормативно-психологического порядка.

Мнение Кабинета, утвержденное министром императорского двора 28 января 1864 г., было направлено на Алтай и генерал-губернатору Западной Сибири, закрепив норму, по которой крестьяне не могли иметь никаких оброчных статей, так как таковых до указа от 8 марта 1861 г. в их пользовании не состояло, а количество крестьянских угодий и «образ пользования» ими должны были оставаться в прежнем виде. Это вызвало новый виток переписки и споров между различными ведомствами и учреждениями, где раздражителями выступили Томское губернское по крестьянским делам присутствие и мировой посредник Мамонтов по делу о пасеке Щетинина, высказавшийся против вмешательства Горного правления в права сельских обществ распоряжаться своим землепользованием. Несмотря на продолжавшиеся споры, норма о запрете сельским обществам учреждать в свою пользу оброчные статьи оказалась практически закрепленной в нормативно-юридическом пространстве земельного хозяйства округа [1. С. 22–24; 3. Л. 14–15; 4. С. 148; 7. Л. 27–28, 149–150, 153–153 об.].

Следующий шаг кабинетская администрация сделала с помощью выхваченного из контекста тезиса из решения Томского губернского по крестьянским делам присутствия, которое в целом было невыгодно Кабинету. Согласно ему мирские оброчные статьи в случае их создания относились к излишним для сельского общества землям и причислялись к свободным горнозаводским землям с целью отдачи их в аренду с выплатами в пользу Кабинета. Причем все решение Томского губернского по крестьянским делам присутствия кабинетские чиновники признали недействительным и приостановили его реализацию с помощью генерал-губернатора. Почему легитимным и востребованным оказался лишь один единственный тезис из него – неясно и удивительно [3. Л. 4; 7. Л. 27–28, 153–153 об.].

Отнесение мирских оброчных статей к «лишним» землям и причисление их к свободным территориям с

взиманием оброка было совершенно незаконным, не имело никакой опоры в законодательстве, противоречило закону от 8 марта 1861 г. и даже его трактовке кабинетскими чиновниками. При обосновании этого решения использовалась ссылка на ст. 109 Положения от 19 февраля 1861 г. для губерний Великороссии, Новороссии и Белороссии, суть которой была в том, что крестьянин может отдать свой надел только члену общины, т.е. передача земельного участка постороннему лицу невозможна [8. С. 249]. Данная статья, в свою очередь ссылается на ст. 142 «Общего Положения о крестьянах» [9. С. 162], в которой уже указывается на необходимость приемного приговора для желающих поступить в общество и предварительного согласия помещика. На наш взгляд, неправомерно применять эти документы к Алтайскому горному округу, который имел свой закон от 8 марта 1861 г. «О даровании облегчений и преимуществ горнозаводским людям ведомства Кабинета Его Императорского Величества» и положение от 8 марта 1861 г. «О горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов» [6, 10]. Но даже если и применять эти законы, то неправомерно использовать саму норму ст. 109. Итак, имелся реальный правовой вакуум в этом вопросе, который Кабинет стремился заполнить своим содержанием. Несоответствие нормы о «лишних землях» реальной практике сельских обществ, для которых эти участки вовсе не были лишними, была установлена еще С.П. Швецовым [1. С. 16–17].

В период с 1866 по 1868 г. конфликт между кабинетскими и гражданскими властями в лице мирового посредника Мамонтова нарастал. Мамонтов как раз указывал на неправомерность запретительных действий Кабинета, которые противоречили законам от 8 марта 1861 г. и 17 декабря 1862 г., и перенял методичку борьбы ведомственных чиновников, прибегая к использованию внутренних норм Кабинета, противоречивших проводимому политическому курсу [7. Л. 28 об., 148 об.–152 об.; 11. Л. 7]. Однако в это же время Кабинету удалось в новом соглашении с генерал-губернатором Западной Сибири вторично подтвердить, что земли, отданные во временное пользование отдельных селений, могут использоваться только для личных потребностей и не могут служить источником побочных доходов, извлекаемых путем сдачи земель в аренду посторонним лицам [2. Л. 8; 3. Л. 4]. Норма была зафиксирована, что позволило затем при обсуждении проблемы мирских оброчных статей опираться именно на нее, а не на то, что ей предшествовало, не ставя саму норму под сомнение. Иначе говоря, Кабинет смог создать определенную нормативно-юридическую опору и поступательно переводил внимание на новые позиции. В том числе и на этой основе Томское губернское по крестьянским делам присутствие 12 марта 1868 г. вынесло решение, по которому устройство мирских статей все-таки запрещалось, но изъятие их в пользу Кабинета признавалось невозможным. Окруж-

ная администрация в случае их обнаружения могла лишь связаться с мировыми посредниками для того, чтобы крестьяне ликвидировали аренду или отдали бы ее членам своей общины. Запрещалось также проводить сбор информации по таким статьям. Назначение аренды в пользу ведомства было признано неправомерным согласно законам от 8 марта 1861 г. и 17 декабря 1862 г. Совет Главного управления Западной Сибири подтвердил это решение своим постановлением от 12/13 сентября 1868 г. [7. Л. 155–155 об.].

Это решение привело к тому, что ведомство сделало серьезный зигзаг в своей политике. 11 октября 1869 г. последовало предписание Кабинета по делу Щетинина, которое стало на ближайшее время основным документом в отношении мирских оброчных статей, завершив первоначальный этап развития этой проблемы. «Заводское начальство, имея право воспрещать крестьянам открывать оброчные статьи на своих землях посторонним лицам, не должно было ограничивать поземельное крестьянское пользование и требовать возврата тех участков, которые по актам до 1861 г. находились в распоряжении обществ. Приводя в известность оброчные статьи, принадлежащие заводам, оно должно было ограничиться только определением их на землях свободных, в законном пользовании крестьян не находившихся, чтобы не возбуждать недоразумений и ропота крестьян, впредь до общего душевого их распоряжения, а также определением тех участков, которые самовольно крестьянами захвачены вне пределов их законных пользований» [Там же. Л. 31]. Таким образом, Кабинет утвердил свое право учреждать оброчные статьи в округе, но отказался от изъятия мирских оброчных статей в свою пользу, а также от информационных изысканий по этому поводу.

Однако предписание от 11 октября 1869 г. породило «юридическую ловушку», в которую попали все участники этих отношений: крестьяне не имели права учреждать оброчные статьи, а Кабинет не мог собирать информацию и изымать подобные статьи в свою пользу, что привело к практически полному отсутствию механизмов контроля и наказания за нарушение запрета. Получалось, что в условиях 60–70-х гг. XIX в. открытие мирских оброчных статей находилось в зоне минимального риска, так как их могли не обнаружить достаточно долго, а в случае обнаружения изъятие было невозможно. Ликвидация таких статей могла растянуться на длительное время.

В результате для официального создания оброчных статей в надельных крестьянских землях был сформирован особый механизм: лица, которые желали устроить на крестьянских землях промышленные заведения или завести земельное хозяйство, обязаны были войти в соглашение с сельскими обществами и получить приговор от них об отказе в пользу Кабинета просимого в аренду участка, после чего Алтайское горное правление заключало с этими лицами договоры с выплатами в пользу Кабинета [2. Л. 8; 3. Л. 4]. Но, по всей видимо-

сти, лишь незначительная часть оброчных статей создавалась таким способом, так как сельские общества и крестьяне очень болезненно относились к изъятию своих земель. Фактически проблема мирских статей привела к тому, что ведомством был изобретен официальный механизм изъятия надельных земель. Наряду с ним существовал неофициальный механизм, подробно описанный С.П. Швецовым. Кратко его суть заключалась в сдаче в аренду мирских земель частным лицам и предпринимателям без официальных и формальных процедур [1. С. 19–21].

Понятно, что такое промежуточное состояние не являлось выходом из сложившейся ситуации, и по мере нарастания новых экономических явлений в округе и увеличения населения положение могло бы только усугубляться, а всем участникам этого конфликта пришлось бы вступать в новое противостояние. Причем в особенно невыгодном положении – «между молотом и наковальней» – оказывались именно арендаторы, ощутив на себе в дальнейшем последствия предпринятых промежуточных шагов по произвольному толкованию действовавших законодательных норм. Сама проблема представляла собой сгусток разнообразных административно-хозяйственных и нормативно-юридических вопросов, находившихся в предельно противоречивом взаимодействии. Основной причиной конфликтного противостояния стало противоречивое законодательство, которое, с одной стороны, давало возможность для различных пониманий проблемы, с другой – иногда совсем не затрагивало те или иные вопросы, решать которые приходилось непосредственным субъектам применения закона или другого нормативного документа. Сказывались и культурно-психологические аспекты деятельности кабинетской администрации на Алтае, вызванные длительной практикой управления горным округом и господствовавшими в бюрократической среде феодальными представлениями.

Ситуация, сложившаяся с мирскими оброчными статьями, показала, что реформа 1861 г. привела к невозможности найти выход из различных административно-хозяйственных затруднений с помощью имевшихся законов и нормативных документов, которые нередко противоречили друг другу. Поэтому особенностью деятельности кабинетской администрации во второй половине XIX в. стала поступательная выработка определенных норм, которые давали возможность ведомству реализовывать определенный политический курс и искать выход из критической ситуации, но часто в ущерб законности и юридической правомерности. Это явление мы предлагаем назвать «условной рабочей нормой».

Процесс ее создания происходил с помощью жонглирования разными законами, повышенного внимания к отдельным положениям из них и сокрытием других, вольной трактовкой юридических документов, а иногда и прямым отклонением от «буквы закона» и нарушением содержания уже прописанных норм. Следующим

шагом чиновничества становилось включение выработанной «условной нормы» в систему имеющихся законных правовых отношений. Обычно это удавалось и приводило к формированию новых «условных» норм. Так создавались целые системы «условных норм», включенных в единое нормативно-юридическое пространство, что и произошло в округе в земельных от-

ношениях пореформенного периода. До проведения землеустройства вопрос о мирских оброчных статьях так и не получил разрешения, втянув в обсуждение проблемы и принятия по ней промежуточных нормативных установок большое количество лиц и учреждений, что до крайности обострило отношения между участниками споров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы по исследованию арендного хозяйства в Алтайском округе / сост. С.П. Швецов. Барнаул, 1896. Т. 1 : Частная обрабатывающая промышленность в Алтайском округе.
2. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 3573.
3. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 167.
4. Бородавкин А.П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972.
5. Кухаренко А.Е. Возникновение земельно-арендной отрасли в Алтайском горном округе в 1855 г. (формально-юридический аспект) // Актуальные вопросы истории Сибири : восьмые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул, 2011. С. 52–54.
6. Именной, данный Министру Императорского двора, опубликованный 9 марта указ «О даровании облегчений и преимуществ горнозаводским людям ведомства Кабинета Его Императорского Величества» (8 марта 1861 г.) [№ 36717] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (далее – ПСЗРИ-2). СПб., 1863. Т. 36, отд. 1-е. С. 437–438.
7. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2144.
8. Высочайше утвержденное Местное Положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях: Восточных, Новороссийских и Белорусских (19 февраля 1861 г.) [№ 36662] // ПСЗРИ-2. СПб., 1863. Т. 36, отд. 1-е. С. 231–273.
9. Высочайше утвержденное Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости (19 февраля 1861 г.) [№ 36657] // ПСЗРИ-2. СПб., 1863. Т. 36, отд. 1-е. С. 141–169.
10. Высочайше утвержденное Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов (8 марта 1861 г.) [№ 36719] // ПСЗРИ-2. Т. 36. Отд. 1-е. СПб., 1863. С. 439–450.
11. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 168.

Kukharenko Alexey E. Internet agency «Kuko Company» (Barnaul, Russia). E-mail: lexh-1984@mail.ru; *Soboleva Tatyana N.* Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: tansoboleva@mail.ru

THE PEASANT RENTAL AREA PROBLEM AND CREATION OF THE FIRST ELIMINATION MECHANISMS IN ALTAI MOUNTAIN DISTRICT IN 1861–1869.

Key words: Altai; peasant rental area; Cabinet; Department; land lease.

The article is devoted to the problem of peasant rental area in the Altai mountain district during the first years after the reform of 1861 in the context of the administrative and economic policy of the Cabinet of His Imperial Majesty (hereinafter – the Cabinet). The authors set a goal to reveal internal content and views evolution of Cabinet managers about the right of peasant societies to open leasing items, their reflection in the department normative space and agreement of adopted resolutions with current legislature. To reach a goal the authors involved departmental and legislative sources. The publication reveals the main cause of the problem with the peasant rental area. This was due to too long implementation period of the one item in the law of March 8, 1861, according to which the Altai lands were transferred to the population for temporary use until land settlement. Without waiting for the land reform peasant societies practiced the leasing some of their land to external persons mainly for commercial or industrial establishments. Uncertainty of the peasant land borderline and the absence of clear temporary rules for rural residents to exploit actually occupied lands very quickly made peasant rental area an object of acute and prolonged conflict between institutions defending the interests of peasants and the Cabinet. The Cabinet opposed the peasant societies' right to enter into lease relations with outsiders, regarding this as a law violation. The authors found that the legislation referred to by the Cabinet lacked clear legal mechanisms to solve the problem. So department management started the legislative language interpretation and began to create a number of rules that had a relative relationship with the law, but were suitable for regulating the situation in their own interests. As the authors established, most of these “conditional” norms, worked out from 1861 to 1869, were fixated in the department normative and legal space. Based on departmental materials, the authors came to the conclusion that the Cabinet policy towards peasant rental area in 1861–1869 was controversial. It is explained by the department desire to retain control over the peasants land in use, psychological attitudes from which the Cabinet bureaucracy did not escape after the bonded labor abolition and the general uncertainty of the situation when it was necessary to react spontaneously to the problem. As a result, in 1869, were established some rules to regulate the problem of the peasant rental area. However, they did not satisfy either side of the conflict, because the peasants were forbidden to organize the peasant rental area in their lands but the Cabinet could not collect information about them. The developed formal mechanism did not dislodge the informal methods of rural land leasing which were popular among the peasants and did not remove the acuteness of this problem, which increased its conflict potential in subsequent years. The revision of the created mechanism was inevitable.

REFERENCES

1. Shvetsov, S.P. (1896) *Materialy po issledovaniyu arendnogo khozyaystva v Altayskom okruge* [Materials on research of rent facilities in the Altai region]. Vol.1. Barnaul: [s.n.].
2. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 4. List 1. File 3573.
3. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 163. List 1. File 167.
4. Boroдавкин, А.П. (1972) *Reforma 1861 g. na Altae* [Reform of 1861 in the Altai]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Kukharenko, A.E. (2011) *Vozniknovenie zemel'no-arendnoy otrasli v Altayskom gornom okruge v 1855 g. (formal'no-yuridicheskiy aspekt)* [The emergence of the land-rent industry in the Altai mountainous district in 1855 (the legal aspect)]. In: Skubnevskiy, V.A. (ed) *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri* [Topical Questions of Siberian History]. Barnaul: Altai State University. pp. 52–54.

6. Russia. (1863) Imennoy, dannyy Ministru Imperatorskogo dvora, raspublikovanny 9 marta ukaz “O darovanii oblegcheniy i preimushchestv gornozavodskim lyudyam vedomstva Kabineta Ego Imperatorskogo Velichestva” (8 marta 1861 g.) [№ 36717] [The nominal order given to the Minister of the Imperial Court, the decree “On granting relief and benefits to the mining employees of the department of the Cabinet of His Imperial Majesty” (March 8, 1861) [No. 36717]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. 36. St. Petersburg: [s.n.], pp. 437–438.
7. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 4. List 1. File 2144.
8. Russia. (1863) Vysochayshe utverzhdennoe Mestnoe Polozhenie o pozemel'nom ustroystve krest'yan. Vodvorennykh na pomeschich'ikh zemlyakh v guberniyakh: Velikorossiyskikh, Novorossiyskikh i Belorusskikh (19 fevralya 1861 g.) [№ 36662] [Highest approved local regulations on the land tenure of peasants on the landed estates in the provinces: Great Russian, Novorossiysk and Byelorussian (February 19, 1861) [No. 36662]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. 36. St. Petersburg: [s.n.], pp. 231–273.
9. Russia. (1863) Vysochayshe utverzhdennoe Obshchee Polozhenie o krest'yanakh. Vyshedshikh iz krepostnoy zavisimosti 19 fevralya 1861g.) [№ 36657] [Highest approved General Regulations on Peasants released from serfdom 19 February 1861) [№ 36657]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of GAAK]. Coll. 2. Vol. 36. St. Petersburg: [s.n.], pp. 141–169.
11. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 163. List 1. File 168.